

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

СОВЕТ
БЕЗОПАСНОСТИ

Distr.
GENERAL

A/41/709
S/18401
14 October 1986

ORIGINAL: RUSSIAN

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
Сорок первая сессия
Пункты 21, 47, 54, 55, 60, 62, 68, 126
и 141 повестки дня
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД МИРА
ПРЕКРАЩЕНИЕ ВСЕХ ИСПЫТАТЕЛЬНЫХ ВЗРЫВОВ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ
ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В
КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РЕЗОЛЮЦИИ 40/88 ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ О БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ
И ЗАПРЕЩЕНИИ ИСПЫТАНИЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ
ВСЕОБЩЕЕ И ПОЛНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ
РАССМОТРЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ
И РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕЕЙ НА ЕЕ ДЕСЯТОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
СЕССИИ
РАССМОТРЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕКЛАРАЦИИ ОБ
УКРЕПЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО УСИЛЕНИЮ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЦИПА НЕПРИМЕНЕНИЯ
СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
О СОЗДАНИИ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ
Сорок первый год

Письмо заместителя главы делегации Союза Советских Социалистических Республик на сорок первую сессию Генеральной Ассамблеи от 14 октября 1986 года на имя Генерального секретаря

При этом имею честь направить Вам текст пресс-конференции Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, состоявшейся в Рейкьявике 12 октября.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст пресс-конференции Генерального секретаря Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза, состоявшейся в Рейкьявике,
Исландия, 12 октября 1986 года

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев провел 12 октября в Рейкьявике пресс-конференцию для журналистов, освещающих советско-американскую встречу.

Обращаясь к представителям средств массовой информации, Михаил Горбачев заявил:

Добрый вечер, дамы и господа, товарищи! Приветствую всех вас.

Прошло около часа, как завершилась наша встреча с президентом США г-ном Рейганом. Она продолжалась немножко больше, чем мы намечали. Дело этого потребовало. И я хочу извиниться перед вами, что я не прибыл на пресс-конференцию в назначенное время.

Вы уже знаете, что встреча состоялась по инициативе советского руководства. Но, естественно, ее не было бы, если бы не было согласия со стороны г-на Рейгана. Поэтому, я бы сказал, что это было наше совместное решение провести эту встречу.

Теперь она закончилась. Иногда говорят, что лицом к лицу лица не увидать. Я только что со встречи, которая особенно на последнем ее этапе проходила в горячих дискуссиях. И я нахожусь еще во власти впечатлений от этих дискуссий. Тем не менее я постараюсь уже сейчас не только поделиться своими впечатлениями, но и разобраться, что же произошло. И все же, это будут первые впечатления, первые оценки, первый анализ. Еще предстоит основательнее оценить всю встречу.

Встреча произошла крупная, и вы это почувствуете, когда я расскажу о ее содержании, о проблемах, которые были на ней предметом очень широкого, очень интенсивного, очень заинтересованного обсуждения.

Атмосфера на встрече была дружественной. Мы имели возможность свободно и без ограничений излагать свои взгляды. Это позволило нам углубить понимание по многим крупным проблемам мировой политики, двусторонних отношений и прежде всего по тем вопросам, которые стоят в центре внимания всей мировой общественности, — по вопросам войны и мира, прекращения гонки ядерных вооружений, словом, по всему комплексу вопросов, охватываемых этой темой.

Перед тем, как я перейду непосредственно к характеристике самой встречи, содержания дискуссий, предложений сторон и ее итогов, хочу пояснить вам — почему мы выступили с инициативой о проведении встречи в Рейкьявике. Я регулярно читаю мировую прессу, и в эти дни я видел, насколько широкий резонанс вызвало сообщение о проведении встречи.

Много было сказано в связи с этим и в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС и президента США, задавали вопрос, а не поторопились ли они, есть ли необходимость в такой встрече, кто кому уступил, кто кого переиграл и т.д. и т.п. Но знаете, повод, который послужил исходным моментом нашего предложения президенту США безотлагательно встретиться, и его решение позитивно откликнуться на это приглашение, очень значительны.

Теперь я хочу вернуться к Женеве, когда мы встретились впервые. Это был крупный диалог, и сейчас, по истечении немалого времени, мы ее так же оцениваем — эту женевскую встречу. Тогда, если вы помните, мы признали особую ответственность СССР и Соединенных Штатов Америки за сохранение мира и вместе заявили, что ядерная война никогда не должна быть развязана и что в ней не может быть победителей. Это признание огромной важности. Мы заявили также, что ни одна из сторон не будет стремиться к военному превосходству.

Это тоже очень важная констатация.

После Женевы прошел почти год. Советское руководство осталось верным обязательствам, которые оно приняло на себя там. Вернувшись из Женевы, мы продлили свой мораторий: он у нас был до 1 января нынешнего года. Уже 14 месяцев на наших полигонах царит тишина, — это ли не свидетельство нашей приверженности договоренностям в Женеве, нашей ответственности за судьбы мира. Это все нелегкие решения, если учесть, что в это время взрывы в Неваде продолжались, происходят и сейчас. 15 января мы выступили с крупным заявлением, в котором была обоснована программа ликвидации ядерного оружия к концу нынешнего века.

В июне нынешнего года государства Варшавского Договора внесли крупную комплексную программу о масштабном сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Это тоже крупный шаг с учетом тех озабоченностей, которые высказывались западноевропейцами и Соединенными Штатами.

Извлекая уроки и из чернобыльской трагедии, мы выступили с инициативой о проведении чрезвычайной сессии МАГАТЭ в Вене. Она состоялась, и вы знаете ее итоги — они многообещающи. Теперь мы имеем международный механизм, позволяющий решать многие важнейшие вопросы безопасности ядерной энергетики.

Иначе говоря, в истекший период — и думаю, что не впадаю в преувеличение, так оценивая нашу политику, ибо я говорю о фактах, а не просто о намерениях, — мы все делали, чтобы помочь формированию нового мышления в ядерный век. С удовлетворением мы отмечаем, что ростки этого нового мышления прорастают, в том числе и на европейской ниве. В частности, это проявилось в успехе Стокгольма.

Может быть, я и закончу на этом перечень тех конкретных акций, которые мы предприняли, руководствуясь духом и буквой договоренностей с президентом Рейганом в Женеве. Сами факты, думаю, позволяют вам оценить серьезность нашего отношения к договоренностям в Женеве.

Почему же все-таки потребовалась встреча в Рейкьявике, каковы были мотивы этой нашей инициативы?

Дело в том, что надежды на крупные перемены в мировой обстановке, которые все мы имели, вскоре после встречи в Женеве начали угасать, и я думаю – не без оснований. В ходе советско-американских переговоров очень много было всего сказано, может, даже слишком много, где гуляю, как я вчера говорил президенту, 50-100 вариантов всяких предложений. Уже одно это вызывает сомнения в плодотворности дискуссий, которые там ведутся.

Если бы был один-два, ну пусть три варианта, что позволяло бы как-то сузить дискуссии, а сосредоточить поиски на каких-то важных направлениях, то можно было рассчитывать на то, что эти поиски завершатся выходом на какие-то конкретные соглашения и предложения правительствам ... Но ничего этого не происходит в Женеве, хотя там обсуждаются главные вопросы мировой политики. В последнее время эти переговоры, попросту говоря, идут на холостом ходу, практически зашли в тупик. Гонка вооружений не остановилась, и все яснее становится, что дело подходит к такой черте, за которой неизбежен новый виток этой гонки с непредсказуемыми последствиями – политическими и военными.

Наши крупные инициативы, о которых я говорил выше, нашли широкий отклик у мировой общественности. Но они не нашли должного понимания у американской администрации.

Обстановка ухудшалась, тревога в мире вновь стала нарастать. Думаю, не преувеличу, – да вы сами свидетели этого – мир бурлит. Мир бурлит и требует от руководителей всех стран, и прежде всего крупных держав, в первую очередь от Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, политической воли, решимости, способной остановить опасные тенденции.

Итак, надо было сделать что-то такое, чтобы переломить такой ход событий. И мы пришли к выводу: нужен новый импульс, мощный импульс, чтобы позорнуть процессы в нужном направлении. Такие импульсы могли последовать только от руководителей СССР и Соединенных Штатов Америки. Именно поэтому, отвечая президенту Рейгану на его письмо от 25 июля, я решил пригласить его незамедлительно встретиться. Я писал: "Ситуация такова, что нам надо отложить все дела на день-два и безотлагательно провести встречу".

Это письмо было передано президенту товарищем Шеварднадзе. И вот теперь эта чрезвычайно важная встреча состоялась. Мы полагали, что от ее итогов многое будет зависеть. И, конечно, приехали на встречу не с пустыми руками.

С чем мы приехали в Рейкьявик? Мы привезли целый пакет крупных предложений, которые, если бы они были приняты, могли действительно в короткий срок внести, я бы сказал, перелом на всех направлениях борьбы за ограничение ядерного оружия и реально отвести угрозу ядерной войны, позволили бы начать движение в сторону к безъядерному миру.

Я предложил президенту, чтобы мы тут же, в Рейкьявике, дали обязывающие поручения своим министрам иностранных дел и другим соответствующим ведомствам подготовить три проекта соглашений, которые мы с президентом могли бы потом подписать во время моего визита в Соединенные Штаты Америки.

Первое – по стратегическому оружию – сократить на 50 процентов и не меньше. Причем с таким расчетом, чтобы уже к концу века полностью ликвидировать это самое смертоносное оружие. Мы исходили из того, что мир ждет действительно крупных шагов, глубоких сокращений, а не каких-то косметических шагов – только бы успокоить на какой-то период общественное мнение. Пришло время, когда действительно нужны смелые, ответственные действия в интересах всего мира, в том числе народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Конечно, советская и американская делегации, которым было бы поручено готовить проект соглашения по стратегическому оружию, должны были бы хорошо и честно сбалансировать сокращение исторически сложившейся его структуры. Речь идет о той самой триаде, которая была признана еще при разработке ОСВ-2. Но когда начали обсуждать этот вопрос с президентом, в ответ нам вновь было вытаскано все то, что фигурирует на женевских переговорах – все уровни, подуровни, словом, много арифметики, и все для того, чтобы запутать существо вопроса. Тогда мы внесли такое уточнение: сократить наполовину каждую часть стратегических наступательных вооружений; стратегические ракеты наземного базирования, стратегические ракеты на подводных лодках и стратегические бомбардировщики.

Американская делегация с этим согласилась. Таким образом, мы договорились по очень крупному вопросу.

Помните вы, по-видимому, также, что, когда мы выдвигали в Женеве предложение о 50 процентах сокращения, мы зачисляли и средние ракеты в число стратегического оружия, поскольку они достигали нашей территории. Сейчас мы отказались от этого требования, сняли мы и вопрос о средствах передового базирования.

Итак, благодаря этим крупным уступкам состоялась договоренность в Рейкьявике по сокращению стратегического оружия.

Второе наше предложение относилось к ракетам средней дальности. Мы предложили поручить подготовить соглашение и по этому типу оружия, имея в виду отказаться от всех до сих пор обсуждавшихся вариантов – промежуточных, временных и так далее – и вернуться к прежнему американскому, т.е. полностью уничтожить американские и советские средние ракеты в Европе. При этом, в отличие от наших женевских предложений, мы оставляли теперь совсем в стороне ядерный потенциал Франции и Англии. Хотя, вы понимаете, это была с нашей стороны очень большая уступка. Ведь эти две страны – союзники США и обладают ядерным потенциалом, который продолжает наращиваться и совершенствоваться. А вся их военная деятельность плотно координируется в рамках НАТО. Это нам доподлинно известно. Тем не менее, мы сняли это препятствие к соглашению.

Причем обращаю ваше внимание, что здесь мы пошли на серьезные уступки.

Далее была озабоченность по Азии. Мы и здесь предложили компромисс: садимся сразу за переговоры и выясняем претензии и находим решение. Понимали мы, что неизбежно встанет вопрос о ракетах дальностью менее тысячи километров. И по этому вопросу мы внесли предложение: замораживаем эти ракеты и вступаем в переговоры об их судьбе. Вот на какие крупные меры мы хотели пойти. Мне кажется, что американцы не ожидали от нас такого, но дискуссию развернули, откровенно заявили, что их не

устраивает - убрать свои ракеты из Европы. Начали вновь приглашать нас на промежуточный вариант. Мы же настаивали на полном освобождении Европы от советских и американских ракет средней дальности.

В ходе дискуссии по этому вопросу мы обратили внимание президента США на то, что он, выходя, отрекается от своего детища - от "нулевого варианта", который в свое время настойчиво предлагал. А мы теперь пошли навстречу.

Дискуссия продолжалась до сегодняшнего дня, острая дискуссия, и мы решили сделать еще один конструктивный шаг навстречу: заявили, что при ликвидации американских и советских ракет в Европе соглашаемся оставить по 100 боеголовок на своих средних ракетах, а американцы - столько же на своих таких же ракетах на территории США.

В конце концов договорились и по этому типу ядерного оружия, хотя, как я уже сказал, и здесь помогла наша крупная уступка.

Но надо же начинать движение. Я уже не раз об этом говорил. Нужны смелые, нестандартные решения! Если мы будем все время искать советы в прошлом, пользоваться тем, что относится совсем к другому времени, и, не обращая внимания на то, где мы находимся сегодня и где мы будем завтра, и что этого завтра вообще может не настать, если мы так будем поступать, то никакого диалога не получится. Надо же начинать с чего-то? И мы пошли на такой компромисс, хотя, повторяю, это нелегко для нас. Итак, мы договорились на встрече с президентом США по вопросу и о ликвидации и сокращении ракет.

В связи с готовностью пойти на глубокие сокращения ядерных вооружений мы поставили вопрос так: коль мы вступаем в конкретный этап - ликвидации ядерного оружия, - то должна быть полная ясность в отношении контроля. Теперь контроль должен быть ужесточен. И Советский Союз выступает за тройной контроль, который бы обеспечил полную уверенность каждой стороны, чтобы она не оказалась в западне, в ловушке. Мы подтвердили свою готовность к любым формам контроля. Ввиду нашей такой позиции и этот вопрос был снят.

Другая проблема в связи с тем, что мы приступаем к практической ликвидации ядерного оружия, такова: у каждой стороны должна быть гарантия, что за это время ни одна из сторон не станет добиваться военного преимущества. По-моему, это совершенно справедливая, законная постановка вопроса - и с политической, и с военной точек зрения.

С политической: если мы начинаем сокращения, то должны позаботиться о том, чтобы все тормоза, которые сегодня действуют и стоят на пути создания новых видов оружия, были бы не только сохранены, но и укреплены.

С военной точки: действительно надо позаботиться, чтобы не оказалось так, что обе стороны сократили ядерный потенциал, а в это время, пока шел процесс сокращения, другая - тайно - подготовила и перехватила инициативу, добилась военного превосходства. Такое недопустимо. Это я отношу к Советскому Союзу. Но мы вправе предъявить такие же требования и к американской стороне. И в этой связи мы поставили вопрос так: когда мы выходим на этап реального, глубокого сокращения,

а затем уже через 10 лет ликвидации ядерного потенциала Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, то в этот период надо не только не раскачивать механизмы, сдерживающие гонку вооружений, и прежде всего такой, как ПРО, но упрочить его.

И наше предложение сводилось к следующему: мы укрепляем бессрочный договор ПРО путем того, что стороны берут одинаковые обязательства – в течение ближайших десяти лет они не будут пользоваться правом выхода из этого договора.

Правильная, логичная постановка? Логичная.

Серьезная постановка? Серьезная.

Отвечающая интересам обеих сторон? Отвечающая интересам обеих сторон.

И одновременно с этим мы высказывались за то, чтобы в течение этих десяти лет все требования ПРО строго соблюдались, запрещалась разработка, испытания космического оружия, остались разрешенными только исследования, испытания в рамках лабораторий.

Что мы этим самым хотели сказать?

Мы знаем приверженность американской администрации, президента к СОВ. Вероятно, наше согласие на продолжение и на возможность лабораторных испытаний дает президенту возможность до конца довести исследования и выяснить, что такое СОВ и с чем ее едят. Хотя для многих и для нас уже ясно, что это такое.

И вот тут-то и началась настоящая схватка двух подходов к мировой политике, в том числе по таким вопросам, как прекращение гонки вооружений, как запрещение ядерного оружия.

Американская администрация, президент настаивали до конца на том, чтобы Америка имела право испытывать и исследовать все, что относится к СОВ не только в лабораториях, но и за их пределами, в том числе и в космосе.

Но кто же на это может согласиться?

И вот оказалось: мы были на грани принятия крупнейших исторических решений, ибо до сих пор в прежних договорах – ПРО, ОСВ-1, ОСВ-2 – речь шла только об ограничении вооружений, а теперь – значительном сокращении. И поскольку американская администрация, как мы теперь еще раз убедились, стремится, уверовав в свое технологическое преимущество, вырваться через СОВ к военному превосходству, она пошла на то, чтобы похоронить эти почти достигнутые договоренности, которые мы уже согласовали. Осталось только дать поручение выработать договоры и процедуру – как их практически реализовать. А в Вашингтоне во время моего визита можно было все это подписать. Американская сторона сорвала это решение.

Я сказал президенту, что мы упускаем исторический шанс. Еще никогда не были так близки наши позиции.

Президент, прощаясь, сказал мне, что он разочарован и что я якобы с самого начала приехал с нежеланием находить соглашения и договоренности. Почему это вы из-за одного слова проявляете такую твердость в подходе к СОВ и к проблеме испытаний, ко всей этой проблематике? Думаю, дело не в словах, а в существе. Именно здесь ключ к пониманию того, что на уме у американской администрации. А по-моему, у нее на уме то, что на уме, теперь я уже вижу, у американского военно-промышленного комплекса. Она в его власти, и президент не свободен, чтобы принять такое решение. Мы делали перерывы, проводили дискуссии, и я вижу, президент не получил поддержки. И поэтому сорвалась наша встреча, когда мы уже были близки к тому, чтобы выйти на исторические итоги.

Вот такая драматическая ситуация сложилась на этой встрече, когда, несмотря на весьма значительные уступки с нашей стороны, мы не смогли договориться.

В свое время хоть и трудный был у нас диалог с США, но он продолжался после Женевы, и я высказывал президенту свою точку зрения относительно того, какой должна быть наша встреча во время моего визита в Соединенные Штаты Америки. Она вам известна.

Это не условие. Это, я думаю, понимание нашей ответственности: и моей, и президента. Она диктует именно такой подход к будущей встрече в Вашингтоне. Нам нужна встреча результативная. Она должна действительно привести к ощутимым результатам и кардинальным изменениям, и шагам особенно в таких жгучих вопросах, как контроль над ядерным вооружением, предотвращение гонки вооружений, ликвидация ядерного оружия.

Я ему говорил в письмах и сказал на нашей встрече: нельзя нам с Вами, господин президент, допустить того, чтобы наша встреча в Вашингтоне провалилась. Вот почему я высказался за то, чтобы нам встретиться безотлагательно. У нас есть, что внести конструктивного для того, чтобы договориться и выйти на встречу в Вашингтоне с серьезными предложениями, с серьезными решениями.

Я ни на одну минуту не могу допустить, что если бы мы встретились в Вашингтоне, то эта встреча провалилась. И что тогда, вообще говоря, должны думать люди — и в Советском Союзе, и в США, и во всем мире. Что же это за политики стоят во главе таких огромных государств. Они встречаются, переписываются, состоялась у них уже третья встреча, и ни о чем не могут договориться. Это, я считаю, было бы просто скандальным исходом, с непредсказуемыми последствиями. Этого мы просто не можем допустить. Это вызвало бы разочарование во всем мире, а не только в наших странах.

Вот, собственно, замысел встречи в Вашингтоне, как мы ее должны провести и с какими результатами. Это подтолкнуло нас к инициативе проведения рабочей встречи здесь, в Рейкьявике, чтобы по-деловому разобраться во всем, внимательно выслушать друг друга, попытаться найти взаимные точки соприкосновения, найти общие подходы, которые отвечали бы интересам и наших двух стран, интересам и наших союзников, и народов всех стран.

К сожалению, американцы приехали на эту встречу с пустыми руками, с нафталиновым набором, от которого уже задыхаются женеvские переговоры. Мы, как видите, внесли свои предложения, чтобы сломать эту ситуацию, открыть дорогу и перейти на новый этап, действительно решить назревшие вопросы.

Ну, вот, я вам рассказал, что произошло.

Что же делать?

Остаются Соединенные Штаты как реальность, остается Советский Союз как реальность. Какой-то герой одного нашего русского писателя собирался закрыть Америку — ему это не удалось. Мы свободны от этого комплекса. Америка — это реальность, да еще какая реальность. Советский Союз, по-моему, — это тоже внушительная реальность. Но и весь мир тоже реальность. И сейчас нельзя заработать не только авторитета, но и прежде всего решить стоящие проблемы, если не учитывать реальности нынешнего мира.

А вот что мы очень почувствовали на этой встрече, так это дефицит нового мышления. Опять возник перед нами этот призрак погони за военным превосходством. Летом я встречался с господином Никсоном, и он мне тогда сказал: Опираясь на свой огромный жизненный и политический опыт, имею право сделать вывод, что погоня за этим призраком завела нас далеко. И теперь мы не знаем, как выбраться из этих завалов, какими являются накопленные горы ядерного оружия. Все это осложняет, отравляет обстановку в мире.

Думаю, тем не менее, что все то, что состоялось здесь — а ведь были уже почти готовые договоренности, их только не удалось оформить, — имеет большое значение. Мы вносили свои предложения в пакете. Думаю, вы понимаете, почему это делалось. И сам путь, который мы прошли здесь, в Исландии, к таким крупным договоренностям о столь значительных сокращениях ядерного оружия, — это уже огромный опыт, который мы получили здесь, это огромные приобретения.

Думаю, что нужно еще обдумать и президенту США, и нам всю ситуацию, которая в конечном итоге сложилась здесь на встрече, еще раз вернуться к обсуждавшимся вопросам и попытаться перемахнуть через то, что нас разделяет. Мы ведь о многом уже договорились, через многое прошли. Возможно, президенту надо посоветоваться и с конгрессом, и с политическими кругами, и с американской общественностью.

Пусть обдумает Америка. Мы подождем, не снимая наши предложения, которые мы обнародовали, и по сути дела подошли к тому, чтобы договориться по ним. Это, во-первых.

Во-вторых, я думаю, что все реалистические силы в мире должны сейчас действовать. Все живущие на Земле — в социалистическом мире, в капиталистическом мире, развивающемся мире — имеют сейчас уникальный шанс — наконец реально взяться за прекращение гонки вооружений, запретить оружие, уничтожить его и отвести от человечества ядерную угрозу. Этой задаче было подчинено и наше предложение президенту — давайте договоримся о том, чтобы наши представители сразу по завершении встречи в Рейкьявике сели за переговоры по запрещению ядерных взрывов. Причем мы подошли гибко, заявили, что рассматриваем это как процесс, в ходе

которого можно было бы рассмотреть на каком-то этапе, может быть, даже в первоочередном порядке, и вопрос о "порогах" мощности ядерных взрывов, и вопрос о количестве ядерных взрывов в год, и о судьбе договоров 1974-1976 годов и, таким образом, шли бы к разработке полномасштабного договора о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов.

Мы были близки к нахождению формулы и по этому вопросу. Кстати, мы сказали на встрече: не требуем от вас моратория. Дело ваше. Вы отчитываетесь перед своим конгрессом, перед народом, будете ли вы после того, как начнутся переговоры, продолжать взрывать, или вы присоединитесь к нашему мораторию. Это дело ваше. Но давайте сядем за полномасштабные переговоры для выработки соглашения о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов.

Таким образом, и здесь проходило сближение. Но когда произошел разрыв по ПРО, тогда оборвалась и вся дискуссия, приостановились все поиски. Мы прекратили нашу встречу.

Я думаю, сейчас мы с американцами должны все обдумать, да и мировое общественное мнение должно обдумать сложившуюся ситуацию по главному вопросу, который беспокоит народы всех стран - по вопросу войны и мира, ядерной угрозы. Мне думается, я не преувеличиваю, когда считаю, что все, что мы предлагали президенту, отвечает интересам и американского народа, и народов всех стран. Если кому-то так не кажется, то пусть как следует прислушается к тому, что требует американский народ, советский народ, все народы.

Приехав сюда на встречу, я сказал, что пришло время действий. Действительно, время действий настало, и нам нельзя его терять. Мы будем действовать. Мы от своей линии на мир, на борьбу против гонки вооружений, за запрещение и ликвидацию ядерного оружия, за то, чтобы отвести угрозу от всего земного шара, не отступим. И я уверен, мы в этой борьбе не одиноки.

Вот что я хотел вам сказать сейчас, сразу после завершения встречи. Видимо, я мог бы и больше сказать, если бы у меня было больше времени обдумать все, что произошло. Но мне кажется, я выразался вполне ясно и определенно по всем вопросам.

В ходе бесед с президентом мы касались и многих других вопросов. Мы говорили по гуманитарным вопросам, и тут выходили на конкретные проблемы. Работали две группы экспертов. Вы об этом, наверное, знаете. Во главе одной - от нас был маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Ахромеев, от американской стороны - Пол Нитце. Они работали практически всю ночь.

Группу по гуманитарным вопросам с нашей стороны возглавлял заместитель министра иностранных дел Бессмертных, со стороны американцев - заместитель госсекретаря господа Риджуэй.

Там тоже был интересный обмен мнениями, и определенные договоренности, которые там имели место, могли бы стать составной частью итогового документа. Но поскольку разрушилось главное, остановился весь процесс.

Как видите, в общем была интересная встреча, важная, многообещающая встреча. Но пока она завершилась вот таким образом.

Не будем впадать в отчаяние. Я думаю, эта встреча вывела нас на очень важный этап понимания того, где мы находимся. И она показала, что договоренности возможны. В этом я убежден.

Благодарю вас за внимание.

Неужели у вас даже после такой моей подробной речи еще будут вопросы? Ну давайте. До зари будем сидеть.

Вопрос (Чехословацкое телевидение). Михаил Сергеевич, Вы сказали, здесь, в Рейкьявике, был упущен исторический шанс. Когда, по Вашему мнению, может появиться новый шанс?

Ответ. Я бы, знаете, дал на это оптимистический ответ. Потому, что уже многое проделано и накануне встречи, и на самой встрече. И если мы с реалистических позиций и в Соединенных Штатах, в Белом доме, и у нас в советском руководстве еще раз все обдумаем и проявим реализм и ответственность, то еще не потеряна возможность, чтобы решить эти вопросы.

Вопрос (японская телекомпания Эн-эйч-кей). Значит ли, что диалог с США, с администрацией Рейгана еще продолжается? Или Вы думаете, что для продуктивного диалога с Рейганом возможностей остается очень мало?

Ответ. Я думаю, что сейчас еще больше возросла необходимость в диалоге, каким бы он ни был трудным.

Вопрос (газета "Правда"). Михаил Сергеевич, как Вы считаете, все-таки почему американская администрация пошла на срыв переговоров, приняв такое безответственное решение, игнорируя мировое общественное мнение?

Ответ. По-моему, Америка должна еще определиться. Она, по-моему, еще не определилась. И это, как мы чувствовали, сказывалось на позиции президента.

Вопрос (Австралийская радиовещательная корпорация). Вы сказали, что президент Рейган находится в плену военно-промышленного комплекса. Значит ли это, что следующие два года будут безрезультатными. Есть ли у Вас надежда, что следующий президент США не будет в плену этого комплекса?

Ответ. При всем том, что ныне представляет военно-промышленный комплекс, и при всем том, какой вес он занимает в сегодняшней Америке, не будем переоценивать его возможности. Решающее слово за народом в любой стране, в том числе и за американским народом.

Вопрос (Исландское радио и телевидение). После негативного результата встречи попытается ли Советский Союз противопоставить что-либо американской программе СОИ и не запустит ли он на полную мощь свою программу космических вооружений?

Ответ. Я думаю, вы поняли смысл советской позиции. Если сейчас мы подошли к этапу, на котором начинаем глубокое сокращение ядерного оружия – и стратегического, и средних ракет, а мы с американцами уже выходили на договоренность сделать это в течение десяти лет, то мы вправе требовать, чтобы в этот период мы были гарантированы, что ничего неожиданного, непредвиденного не произойдет. Это включает и такую сферу, как космос и развертывание космической ПРО.

Я сказал президенту (может быть, я немного приоткрою занавес над нашим обменом мнениями), что нас СОВ в военном отношении не беспокоит. По-моему, и в Америке уже никто не верит, что можно создать такую систему. Более того, если в конце концов Америка решится на это, наш ответ не будет симметричным. Правда, сказал я ему: г-н Президент, Вы знаете, что меня уже сделали Вашим соратником по СОВ. Он удивился этому. Оказывается, я говорю, в связи с тем, что я так остро критикую СОВ, это дает Вам самый убедительный аргумент, что СОВ нужна. Вы просто говорите: раз Горбачев против, то значит это хорошее дело. И Вы собираете аплодисменты и финансирование. Правда, появились циники и скептики, они говорят: а вдруг это коварный замысел Горбачева – самому не втягиваться в СОВ, а Америку разорить. Вы уж разберитесь сами. Во всяком случае нас СОВ не пугает.

Это я уверенно заявляю, потому что в таких вопросах заниматься блефом – дело безответственное. Ответ на СОВ будет. Ассиметричный, но будет. При этом нам не придется жертвовать многим.

Но в чем ее опасность? Первое – опасность политическая. Сразу создается ситуация, которая вносит неопределенность, подогревает недоверие друг к другу, подозрение. И тогда уж тут не до сокращений ядерного оружия. Короче говоря, для того, чтобы мы основательно занялись сокращением ядерного оружия, нужна совсем другая ситуация. Во-вторых, есть все-таки и военная сторона. Через СОВ можно выйти на новые виды оружия. Это мы тоже компетентно можем сказать. И выйти на совершенно новый этап гонки вооружений, который непредсказуем серьезными последствиями.

Получается, что, с одной стороны, мы договариваемся начинать сокращать ядерное оружие – сегодня самое опасное и страшное, а с другой стороны – мы должны благословлять исследования, и даже в космосе проводить их, в натуре, для того, чтобы создать новейшее оружие. Это же не согласуется с нормальной логикой.

Вопрос (газета "Вашингтон пост"). Вы только что провели еще одну встречу с президентом Рейганом после двух дней заседаний. Какое у Вас сложилось впечатление от президента как от политического деятеля? Считаете ли Вы, что он разделяет Ваше чувство ответственности за судьбу мира?

Ответ. У меня такое впечатление, что мы с г-ном Рейганом можем продолжать и диалог и заниматься поисками развязок крупных, животрепещущих проблем, в том числе и тех, о которых я говорил.

Вопрос (Датское телевидение). С учетом неудовлетворительных итогов данного совещания. Означает ли это, что не будет достигнуто прогресса по вопросу запрещения ядерных испытаний и по другим вопросам, которые обсуждались вчера и сегодня? Увязывается ли этот вопрос – запрещение ядерных испытаний – с другими вопросами, которые рассматривались на этих заседаниях?

Ответ. Я уже ответил на этот вопрос. Мы считаем, что на этом не обрываются ни наши контакты с американцами и с президентом, и тем более международные отношения. Поиски продолжаются и будут продолжаться. И, я думаю, то, что здесь произошло, в Исландии, тем более должно стать мощным стимулом к тому, чтобы мы все сейчас почувствовали, что надо включаться в общую борьбу за нормализацию международной обстановки, за поиск выходов из тупиковых ситуаций, в том числе и тех, о которых речь шла здесь, в Рейкьявике, и, собственно, один из тупиков здесь тоже возник, но я оптимист.

Вопрос (телевидение ГДР). Вы сказали, что встреча не дала результатов. Означает ли это, что она была бесполезной? Как Вы считаете, стал ли мир после встреч в Рейкьявике надежнее?

Ответ. Я думаю, Вы хорошо продумали свой вопрос. У наших немецких друзей мне всегда нравится точность выражения, в том числе и мыслей. Я думаю, то, что произошло в Рейкьявике, несмотря на то, что мы завершили нашу встречу, не договорившись по вопросам, к которым мы, кажется, нашли подходы, — это печально, это разочаровывает. Но я бы не назвал эту встречу безрезультатной. Наоборот, она все-таки ступень в сложном и трудном диалоге в поисках решений. Ведь мы в общем-то ищем нелегкие решения по нелегким вопросам. Поэтому давайте не будем сеять по миру панику. Но в то же время надо сказать, что мир должен знать все, что происходит, с тем чтобы он себя не чувствовал сторонним наблюдателем. Сейчас подошло время активных действий всех сил.

Вопрос (американская телекомпания Эй-би-си). Господин Генеральный секретарь, я не понимаю, почему, когда Вы с президентом Рейганом имели возможность добиться соглашения по сокращению ядерных вооружений, советская сторона не согласилась с исследованиями по СОН. И Вы в свое время ведь говорили в Женеве, что Вы готовы заплатить большую цену за сокращение ядерных вооружений. И сейчас, когда были такие возможности, Вы их упустили.

Ответ. В Вашем вопросе уже содержится элемент критики, поэтому я отвечу на него более подробно.

Во-первых, президент США приехал в Рейкьявик с пустыми руками и с пустыми карманами. Американская делегация, я бы сказал, нам привезла хлам с женевских переговоров. И только благодаря далеко идущим предложениям советской стороны мы смогли выйти на очень крупные договоренности (они не были оформлены, я оговариваюсь) по сокращению стратегических наступательных вооружений, по средним ракетам. Естественно, что мы надеялись в этих условиях, и я думаю, это вполне понятно и политику, и военному, и просто нормальному человеку, что если мы подписываем подобные договоренности о крупных сокращениях ядерного оружия, то надо позаботиться о том, чтобы не произошло ничего, что сорвало бы этот трудный процесс, к которому мы шли десятилетия. И тогда мы поставили вопрос о том, что мы — за упрочение договора ПРО. Американская сторона все время подкапывается под ПРО.

Она уже поставила под сомнение ОСВ-2, и теперь ей хотелось бы в Рейкьявике организовать похороны ПРО, причем с участием Советского Союза и Горбачева. Это не пройдет. Весь мир бы нас не понял, и я в этом убежден.

Все, кто здесь сидит – все убеждены в этом, что если мы еще начнем атаковать ПРО – последний механизм, столько сделавший для того, чтобы все-таки сдержать процесс гонки вооружений, – тогда мы ничего не стоим как политики. Но мало сохранить его условия, когда начинаются глубокие сокращения ядерных вооружений, мы считаем, что этот договор надо упрочить. И мы предложили механизм упрочения – не пользоваться в течение 10 лет, за которые мы и сократим полностью, уничтожим ядерный потенциал в наших странах, – не пользоваться правом выхода из ПРО...

В то же время, чтобы никто не стремился – ни Советский Союз обойти Америку в исследованиях по космосу и вырваться вперед, так сказать, добиться военного превосходства, ни Америка по отношению к Советскому Союзу, мы сказали: мы – за лабораторные исследования и испытания, но против выхода с этими исследованиями и испытаниями частей космического ПРО в космос. Вот наше требование. Таким образом, наше требование в этом случае тоже было конструктивным, учитывающим позиции Америки. Если бы она согласилась, она получала бы возможность в рамках продолжения лабораторных исследований решать свои вопросы, но без попыток создать космическую ПРО. Я думаю, тут логика, как говорят дети, железная, у детей тоже надо иногда учиться.

Теперь дадим слово женщинам.

Вопрос (газета "Гардиан"). Планирует ли Советский Союз какие-то новые инициативы в отношении Западной Европы после того, что произошло в Рейкьявике?

Ответ. Я думаю, Западная Европа слышит, что я говорю, и если она подумает и внимательно изучит наши предложения, то обнаружится, что они отвечают интересам Западной Европы. Мы понимаем, что не можем безразлично относиться к интересам Западной Европы, в которой пускают корни ростки нового мышления и в которой нарастает ответственность за сохранение и упрочение нашего европейского дома.

Вопрос (журнал "Ньюсуик"). Каковы Ваши намерения относительно поездки в Вашингтон? Вы говорили о том, что до этого необходимо добиться одного-двух соглашений. Возможно ли достижение таких соглашений, прежде чем Вы прибудете в Вашингтон с визитом?

Ответ. Я думаю, что, несмотря на весь драматизм сегодняшнего дня, мы не удалились от Вашингтона, а приблизились к нему. И если президент и американская администрация прислушаются к моему предложению продолжить изучение всего того, о чем шла речь здесь, в Рейкьявике, и посоветуются в тех кругах, в которых они считают необходимым, я думаю, еще не все потеряно. Есть возможности, опираясь на то, что мы здесь имели в Рейкьявике, выйти на такие соглашения, которые бы сделали реальной и возможной встречу в Вашингтоне, и она бы могла быть результативной.

Вопрос (американская телекомпания Си-эн-эн). Г-н Горбачев, Вы говорили в своем выступлении, что президент Рейган должен подумать над ситуацией и посоветоваться с конгрессом, посоветоваться с американским народом. Считаете ли Вы, что американское общественное мнение поддержит советский подход в этом плане?

Ответ. Подождем, увидим.

Вопрос (газета "Руде право"). У меня вопрос к Вам как к политическому деятелю и юристу. Как, по Вашему мнению, выглядят приоритеты в вопросах прав человека в ракетно-ядерный век и какую роль может сыграть человеческий фактор в решении вопроса войны и мира?

Ответ. Вы - философ. Могу сказать, что я тоже раньше занимался философией и теперь опять стал ею заниматься. Я думаю, когда мы говорим о правах человека, то должны помнить, что сегодня вопрос о сохранении мира, о том, чтобы отвести ядерную угрозу от человека, - это самый главный приоритет. Будет мир - будет жизнь. А с проблемами как-нибудь разберемся. Все больше становится в мире образованных людей. Я думаю, народы во всем разберутся. Поэтому, когда мы говорим о правах человека, я бы на первое место поставил право человека на жизнь. Это первое.

И второе. О человеческом факторе. Я думаю, в ядерный век (и в этом я вижу как раз проявление нового мышления) угроза ядерной войны по-новому ставит и вопрос о роли человеческого фактора в борьбе за мир, за предотвращение войны. Ибо сегодня эта война будет касаться всех, независимо от того, где она начнется. Только недоброжелатели считают, что все антивоенные движения, все, кто выступают в защиту мира, это - происки Москвы. Сегодня женщины, дети, мужчины всех возрастов поднимаются, берутся за руки и требуют остановить эту опасную тенденцию, когда мир движется к угрозе ядерной войны. Я думаю, роль человеческого фактора в этих условиях значительно возрастает.

Вопрос (газета "Известия"). В Белом доме много и часто говорили о том, что главная опасность для Америки - это советские межконтинентальные ракеты. Мы же предложили в Рейкьявике в течение десяти лет эту главную опасность для Америки ликвидировать. Каково Ваше впечатление, почему другая сторона оказалась не готовой к тому, чтобы снять, отвести от своей страны эту главную опасность?

Ответ. Вы очень правильно подняли этот вопрос. Он много лет использовался американской стороной для утверждения, что Советский Союз, дескать, не настроен серьезно на разоружение, на прекращение гонки вооружений, что он не учитывает озабоченности Америки и т.д.

Как видите, мы предложили пойти на радикальные сокращения. Причем поставили вопрос очень резко. Есть триада стратегических вооружений, признанная и нами, и американцами. Мы предложили всю эту триаду стратегических вооруженных сил сократить в первые пять лет на 50 процентов. Это крупный шаг. Но вместе с тем мы американцам сказали, что и у нас есть озабоченность. Ведь в США большая часть стратегических сил развернута на подводках. Это около 700 ракет, на которых находится почти 6 000 РГЧ индивидуального наведения. А подводки, как известно, курсируют в морях и океанах вокруг Советского Союза. Откуда они нанесут удар? Это не менее опасно, чем тяжелые ракеты наземного базирования.

Одним словом, когда не хотят решать вопросы, тогда ищут проблемы, создают искусственные препятствия. Однако здесь они были сняты, эти препятствия. Вот что важно. Ведь мы пошли на очень крупный шаг, сняв оговорки относительно средних ракет, которые для Америки имеют стратегическое значение. Да и средства передового базирования мы сбросили с зачета при решении вопроса о ракетах стратегического назначения. Все это говорит о нашей доброй воле. И американцы, тем не менее, не пошли нам навстречу.

Американцы думают, что они через космос добьются военного превосходства над нами и реализуют идею одного президента, который сказал: кто будет господствовать в космосе, тот будет господствовать на Земле. Это показывает, что нам приходится иметь дело с имперскими амбициями.

Но мир сегодня не тот, что прежде. Он не хочет быть и не будет вотчиной ни Соединенных Штатов Америки, ни Советского Союза. Каждая страна имеет право на свой выбор, на свою идеологию, на свои ценности. Если мы не признаем этого, тогда нет международных отношений. Тогда есть хаос и кулачное право. Мы с этим никогда не согласимся.

Америка, наверное, очень тоскует по старым временам, когда она была могучей. И в военном отношении она нас превосходила - ведь мы все вышли из войны ослабленными экономически.

Ностальгия по прошлому в Америке, видимо, есть. Но, тем не менее, надо пожелать нашим американским партнерам осознать сегодняшние реальности. Это им тоже необходимо сделать. Иначе, если американцы не начнут мыслить сегодняшними категориями, исходить из нынешних реальностей, мы не продвинемся в поисках правильных решений.

Вопрос (Болгарское телевидение). Насколько я понял, переговоры в Женеве не прекращаются, и советское руководство намерено дать советской делегации поручение искать решение вопросов, которые до сих пор не разрешены?

Ответ. Вы правы.

Вопрос. Думаете ли Вы, что те же самые инструкции будут даны и американской делегации после Рейкьявика?

Ответ. Я надеюсь, что это будет именно так.

Вопрос (телеграфное агентство ЧТК). Какое, по Вашему мнению, влияние окажет исход встречи в Рейкьявике на общеевропейский процесс?

Ответ. Я думаю, что и политики, и народы Европы в этот очень ответственный момент окажутся на высоте. Время требует действий, а не просто велеречивых заявлений, за которыми не следует ничего конкретного. Мир устал, миру надоела болтовня, мир нуждается в реальном прогрессе: разоружении, в ликвидации ядерного оружия. И думаю, что эта тенденция будет нарастать. Особенно я надеюсь на мудрость и ответственность политиков и народов Европы.

Вопрос (американская телекомпания Эн-би-си). Как я понимаю, Вы напрямую обращаетесь с призывом к другим членам международного сообщества выступить в качестве своего рода лобби, с тем чтобы повлиять на Соединенные Штаты и заставить их изменить свое мнение?

Ответ. Нам известно, насколько у вас развит лоббизм, как идет политический процесс в Америке. Может быть, поэтому и президенту трудно было принять решение на этой встрече. Но когда речь идет о том, чтобы упрочить мир, предпринять реальные

шаги с этой целью, когда нужны совместные усилия - это касается всех, а не только Соединенных Штатов и Советского Союза - то, я думаю, надо говорить не о лоббизме, а о чувстве ответственности, о здравом смысле народов, о понимании той ценности, какой является сегодняшний мир, и необходимости его уберечь. Поэтому обвинять народы или движения, выступающие за мир, лоббистами в пользу Советского Союза - оскорбительно. Речь идет о том, что люди отстаивают свою политическую и гражданскую позицию.

Вопрос (исландская газета "Моргунбладид"). Я работаю в Исландии издателем газеты. Не вызвало ли у Вас трудности решение о прибытии в Рейкьявик? Ведь Исландия - член НАТО. В то же время, как известно, наше правительство выступило за объявление Севера безъядерной зоной, и мне хотелось бы узнать Ваше отношение к этому.

Ответ. Я хотел закончить этой темой и с удовольствием воспользуюсь вопросом представителя прессы Исландии. Хочу напомнить, что именно мы предложили Исландию как возможное место встречи. Поэтому никаких трудностей у нас на этот счет не было.

Я хочу поблагодарить правительство Исландии, народ Исландии за то, что они весь свой потенциал - и человеческий, и организационный, и материальный - использовали для того, чтобы решить все вопросы по организации этой встречи. Мы благодарны за это и чувствовали себя здесь хорошо. Много интересного я получил из информации Раисы Максимовны, у которой было много встреч в Исландии. Все они были очень интересны, нас радует дружелюбная атмосфера, большой интерес к нашей стране. Мы благодарны Исландии, исландскому правительству за то, что они сделали. Желаем процветания вашему народу.

Что касается последней части вашего вопроса относительно того, что правительство вашей страны хочет объявить Север безъядерной зоной, то мы это приветствуем.

Дорогие друзья, благодарю вас за внимание. Я думаю, мы с вами провели время полезно. Желаю вам всего доброго. До свидания.
